

существования Болгарского царства становится определяющей.

Ранний период в истории Византии стоял в центре внимания А. С. Козлова (Свердловск) и Е. П. Глушанина (Барнаул).

А. С. Козлов в докладе «Антиеретическая политика Феодосия I: традиция или новаторство?» определил как ошибочное мнение некоторых ученых о жестокости, последовательности и целенаправленности преследований еретиков со стороны византийского правительства в конце IV в. Эти меры осуществлялись в прямой зависимости от социальной и политической конъюнктуры; антиеретическая политика Феодосия I была позднеантичной, восходящей к Константину I.

Развитие военной знати при Маркиане и Льве I стало темой выступления Е. П. Глушанина, в котором проанализирован конфликт Аспаридов и Льва I, сделан вывод, что в основе его лежала борьба за определение внешнеполитического курса Византии относительно необходимости вмешательства в дела Западного Средиземноморья.

О взаимоотношениях Византии и Армано-Киликийского царства говорили В. П. Степаненко (Свердловск) и Р. М. Бартияян (Ереван).

В. П. Степаненко («Торос II Рубенид и византийская администрация равнинной Киликии») опроверг традиционно бытующую в советской историографии точку зрения, что Торос II получил пост

стратига византийской фемы Равнинная Киликия. На основании изучения нарративных источников докладчик доказал, что как вассал Византии князь был лишь обязан оказывать провинциальной администрации Киликии военную помощь.

Р. М. Бартияян показал, что в судейнике армянского юриста Мхитара Гоша содержался текст византийской таблицы о рангах. Докладчик полагает, что этот судейник, созданный к началу XIII в., использовался для вынесения судебных решений в византийско-армянском царстве.

Многие доклады вызвали оживленную дискуссию, которая показала, что большинство участников Чтений склонны к пониманию континуитета как преемственности исторического развития, устойчивости человеческого опыта, не отрицающего, однако, возможности и неизбежности существенных перемен. Некоторые ученые высказывались в пользу тезиса о том, что континуитет и дисконтинуитет не являются взаимоисключающими, противостоящими понятиями, но находятся в диалектическом единстве и представляют единый процесс развития человеческого общества. Решение вопроса о соотношении этих понятий, как отмечали выступавшие в дискуссии, остается одной из серьезных задач, стоящих перед историками.

Я. А. Щеглова, М. В. Васильева

ХIII ВСЕСОЮЗНАЯ СЕССИЯ ВИЗАНТИНИСТОВ (Ростов, 22—25 ноября 1990 г.)

22—25 ноября 1990 г. в Ростове прошла XIII Всесоюзная сессия византинистов, организованная Институтом всеобщей истории АН СССР. По мысли организаторов, она должна была стать подготовительной встречей византинистов перед XVIII Международным конгрессом в Москве в августе 1991 г. Открывавший и закрывавший сессию председатель Оргкомитета Конгресса член-корреспондент АН СССР Г. Г. Литаврин информировал собравшихся о ходе подготовки Конгресса и деятельности Оргкомитета. Важное место на сессии заняли темы, вынесенные для обсуждения на пленарных заседаниях и «круглых столах» московского Конгресса: политические и культурные связи Византии и Руси, Причерноморья, Кавказа; особенности социальной структуры византийского общества и проблемы экономической истории; взаимосвязи византийского и древнерусского искусства. Заседания проходили в двух секциях: секции истории и секции культуры, археологии и искусства.

В выступлениях ряда докладчиков были поставлены широкие проблемы,

выходящие за рамки собственно византиноведения и касающиеся характерных черт развития средиземноморского региона в средние века в целом. В докладе К. В. Хвостовой (Москва) «Византийская цивилизация: Способ функционирования во времени» были рассмотрены основные противоречия византийской культуры, социально-экономического и политического развития империи и пути их устранения. В центре внимания была следующая особенность византийской системы: строгое различие в теории публичного и частного управления и смешение этих прав в реальной действительности. Это противоречие устранялось в процессе императорской социально-экономической политики. Однако на протяжении времени постановления византийских властей легализовали известные формы смешения названных прав. Это обстоятельство сыграло важную роль в дальнейшем развитии социально-экономических и политических структур. Докладчица рассмотрела также способы устранения противоречий между явлениями культуры, восходящими к античности, и хри-

стианскими установлениями: происходило переосмысление античных политико-правовых понятий в терминах богословия.

Важный теоретический вопрос об особенностях генезиса феодализма в Византийской Италии был поставлен в докладе О. Р. Бородина (Москва) «Основные тенденции социального развития Равеннского экзархата». О. Р. Бородин приходит к выводу, что в течение VI—VIII вв. на севере Византийской Италии протекал процесс феодализации; при этом общественные отношения средневекового типа формировались непосредственно на античной основе. Докладчик предложил дополнить существующую в науке четырехчленную схему генезиса феодализма в Европе пятым компонентом — бессинтезным вариантом феодализации античного социально-экономического базиса. Доклад подводит итог многолетней разработки автором проблем исторической эволюции Равеннского экзархата.

В ряде докладов рассматривались различные аспекты социальной структуры византийского общества. Ранневизантийской тематике были посвящены доклады Г. Е. Лебедевой, А. А. Чекаловой, Е. П. Глушанина. Проблемы, стоящие в современной историографии в отношении динамики социальной структуры ранневизантийского общества, определили характер и направление доклада Г. Е. Лебедевой (Ленинград) «К вопросу о социальной структуре ранневизантийского общества (постановка проблемы)». Анализ наиболее дискуссионных проблем, связанных с исследованием рабства, колониата, плебса, куриалов, сенаторов, позволил автору доклада обратить внимание на то обстоятельство, что в тени осталась проблема собственного внутреннего саморазвития различных классов, социальных сословий и групп, недостаточная разработанность которой порождает многочисленные спорные оценки их социальной и политической роли (проблема роли плебса, партий и т. д.), их отношений с ранневизантийской государственностью. Г. Е. Лебедева считает, что изучение взаимовлияния сословий, их реальной взаимосвязи в общественно-политической жизни империи может существенно расширить наши представления о социальной структуре ранневизантийского общества, сделать более понятным внутренний кризис в его структурах, который разразился в середине—второй половине VI в.

Доклад А. А. Чекаловой (Москва) «Сенаторская аристократия Константинополя и сословие куриалов IV—VI вв.» был посвящен проблеме соотношения сенаторской аристократии Константинополя и муниципальной аристократии Востока. На основании анализа топографических данных докладчика пришла к выводу о том, что ни численностью, ни могуществом выходцы из сословия

куриалов не выделялись в константинопольском сенате и что проводниками их влияния и их системы ценностей являлись не столько они сами, сколько представители свободных профессий, которые составляли в сенате по меньшей мере четвертую часть.

Доклад Е. П. Глушанина (Барнаул) «Ранневизантийский букелларият» по тематике непосредственно связан с проблемой, вынесенной для обсуждения на одном из «круглых столов» будущего Конгресса византинистов, — в нем рассматривается социальный статус военного в ранней Византии.

Социальная стратификация поздневизантийского общества была рассмотрена в докладах П. И. Жаворонкова и Ю. Я. Вина. В докладе П. И. Жаворонкова (Москва) «Характер и состав знати Никейской империи (предварительные итоги изучения)» был дан краткий анализ 96 никейских знатных родов, зафиксированных в источниках. По степени знатности докладчик разделил знать на 4 разряда, определив степень горизонтальной и вертикальной мобильности, которая колебалась от 33 % среди элиты до 52 % в четвертом низшем разряде. Кроме того, в докладе прослежены основные общественные функции знати всех разрядов, заключавшиеся в выполнении военных и гражданских (или их сочетании), а также церковных и придворных обязанностей.

Ю. Я. Вин (Москва) в докладе «К вопросу о социальной структуре сельской общины в поздней Византии (XIII—XV вв.)» решает проблему целостности сельской общины как неотъемлемой формы существования поздневизантийской деревни. По мнению докладчика, совокупность обитателей каждого села представляла собой сложное по социальному составу образование с присущими его членам состояниями зависимости, полувисимости, полусвободы и, наконец, свободы. Значительную часть односельчан объединяли родство и свойство, производственные и общественные отношения, превращавшие их в единое целое — сельскую общину.

Взаимные представления и политические отношения Византии и Армении были рассмотрены в докладах В. А. Арутюновой-Фиданян и В. П. Степаненко. В докладе В. А. Арутюновой-Фиданян (Москва) «Образ Византии в средневековой армянской литературе» прослеживается эволюция образа Византии в армянской историографии. Главный вывод докладчика: образ Византии является сложным результатом взаимодействия армянской общественно-политической мысли с византийскими идеологическими стереотипами, а также результатом реальных исторических контактов обеих стран, а иногда и предположительно этих контактов.

В докладе В. П. Степаненко (Свердловск) «К структуре восточной границы Византии в XII в.» рассмотрен вопрос о статусе и функциях владельцев граничивших с империей государств, в данном случае армянских княжеств Киликии. Докладчиком было показано, что вопреки существующим воззрениям, признавая сюзеренитет василевса в рамках ойкуменического сообщества, эти владельцы не получали функций стратигос фем, граничивших с их землями, но были обязаны во главе своих континентов во взаимодействии с фемной администрацией защищать границы империи, создавая тем самым первый, внешний пояс ее обороны. Как следствие не были византийскими стратигами ни регент Анииского царства в 1031 г. Саркис Хайказн, ни эмир Диар Бакра Муммахид ад-даула Санд в 1000 г., ни Рубенид Торос II и князь Праканы Тигран в Киликии в 1158—1160 гг.

Несколько выступлений были посвящены теме «Византия и мусульманский Восток». В докладе Н. И. Серикова (Москва) «Арабский перевод „Тактики“ Льва VI?» рассматривался вопрос о существовании арабского перевода «Тактики» и «Навмахии», приписываемых византийскому императору Льву VI. По мнению докладчика, полного перевода этих сочинений на арабский язык не было, однако существовал своего рода дайджест, выполненный на их основе. Это подтверждается, в частности, цитатами из него, которые содержатся в сочинениях мамлюкского военачальника и писателя XV в. Ибн Манкали.

В докладе Е. Н. Мещерской (Ленинград) «Сирийский склад и корпус христианских апокрифов» затронуты апокрифические сюжеты, получившие свое первоначальное оформление и письменную фиксацию на сирийском языке, в частности в виде «Деяний Иуды Фомы». По мнению докладчицы, недавно введенная в научный оборот М. Ван Эсброком арабская версия памятника связана с византийской традицией и восходит к ранней греческой версии.

Р. М. Шукуров (Москва) дал новую трактовку политических связей Трапезунда с османами («Трапезундская империя и османы»). Докладчик показал, что в отличие от Византии Трапезундской империи удалось сохранять мирные отношения с османским султанатом в период с конца 20-х по начало 50-х годов XV в.

Большое количество докладов было посвящено различным аспектам византийско-славянских, и в частности византийско-русских, взаимосвязей. С интересным докладом «Галицкая Русь и Византия конца XII—начала XIII в.» выступил Н. Ф. Котляр (Киев). В совместном докладе М. В. Бибикова, Е. А. Мельниковой и В. Я. Петрухина (Москва) «Ранние этапы скандинаво-русских отношений» было показано, что наименование

ῥῶς, применявшееся в IX—X вв., преимущественно для обозначения скандинавских, а позднее полиэтничных, но включавших и скандинавский компонент, отрядов, приходивших из Восточной Европы, может исходно являться прямым заимствованием византийцами скандинавского самоназвания военных отрядов в Восточной Европе.

Анализ норм канонического брачного права в сообщении А. Р. Гущина (Киев) «Была ли Анна, вторая супруга Романа Мстиславича Галицкого, византийской царевной?» заставил докладчика усомниться в версии Н. Баумгартена о родстве княгини с императорами Исааком II и Алексеем III Ангелами. Основываясь на данных литературы о положении и составе византийского нобилитета рубежа XII—XIII вв., он ставит под сомнение и версию И. Грали о ее происхождении из аристократической фамилии Каматиров.

Ряд докладов содержал наблюдения над особенностями восприятия славянами и Русью византийской культуры. Рассмотрев сведения по византийской истории, содержащиеся в документах об избрании на царство Бориса Годунова, принципы их подбора и обработки, Б. Н. Флоря (Москва) («Знание византийской истории в Древней Руси и избрание Бориса Годунова на царский трон») сделал ряд выводов о восприятии русскими людьми конца XVI в. византийских исторических традиций. С. А. Иванов (Москва) установил, что слово «скомрах» в славянских текстах XI—XII вв. встречалось исключительно в переводах с греческого, причем не только для обозначения мимов, но и для передачи греческого ὑπόχρος, ὑποδρόμα и δηρία, из чего сделан вывод, что слово «скомрах» не только не было исконно славянским, но, наоборот, ассоциировалось лишь с реалиями византийского ипподрома («Византийские димы и славянские скоморохи (К вопросу о диалоге культур)»). Вопросам влияния на славянскую культуру переводов византийских памятников был посвящен также доклад Е. К. Пиотровской (Ленинград) «Проблемы перевода византийских космографических сочинений и культура славянских стран», где было проведено сравнительное изучение «Христианской топографии» Космы Индикоплова и Толковой Пален. Подобные исследования, по мнению автора, существенны для решения вопроса о времени перевода сочинений Космы Индикоплова на славянские языки, а также об особенностях перевода труда в целом и отдельных его частей.

На конференции были освещены и проблемы восприятия на Руси византийского церковного права. В докладе «Моисеево законодательство в древнерусской письменности» Я. Н. Шапов (Москва) рассказывал о переведенных с греческого установлениях, восходящих к библейской традиции: о переводе «Изборника из закона»,

вошедшем в Кормчие XIII в. и в сокращенной редакции в «Мерило праведное» XIV в., а также об одном из старейших славянских текстов книги Исход в составе сборника XIV в. Церковно-правовой проблематике был посвящен и доклад И. П. Медведева (Ленинград) «Смертная казнь в толковании Феодора Вальсамона», который, проследив эволюцию отношения канонического права Западной и Восточной церквей к смертной казни и отметив развернутое теоретическое обоснование византийским правоведом XII в. Феодором Вальсалоном отказа от таковой, выразил сожаление о том, что соответствующие схолии Вальсамона не вошли в обиход на Руси, что могло бы способствовать гуманизации отечественной судебной практики. Идеологическому аспекту русско-византийских отношений был посвящен доклад И. С. Чичурова (Москва) «Политическая идеология в системе русско-византийских отношений». Он показал, что русско-византийские связи, преломленные в политической идеологии, не вырабатываются в прямолинейную схему, определяющуюся отношениями заимствований и влияний. Используя византийский идеологический арсенал, древнерусские книжники отражали собственную конкретно-историческую действительность.

Проблемы византийской политической идеологии в их связи с догматической полемикой в Константинопольском патриархате стали предметом сообщения Е. М. Ломизе (Москва) «Церковная уния и политическая идеология Византии XV в.», в котором на основе анализа византийской церковно-полемической литературы XV в. показано, что представления авторов этого времени о природе византийского государства, власти императоров и характере отношений императоров с церковью зависели от их позиции в вопросе об унии православной и католической церквей.

Собственно церковно-историческим проблемам были посвящены доклады А. С. Козлова и Н. Д. Барабанова. Исследуя антиеретическую политику Феодосия I, А. С. Козлов (Свердловск) («Некоторые аспекты антиеретической политики Феодосия I») пришел к выводу, что ее хронологическая и содержательная «неровность» в последней четверти IV в. объясняется не только конфессиональными, но и социально-политическими причинами. Изъятие у еретических общин городских имуществ — церквей и земли — подрывало не только их культовую практику, но и их социальный статус. Особенно это касалось тех общин, которые ущемлялись в частно-правовых вопросах, что исключало их членов из разрядов полноправных свободных граждан.

Н. Д. Барабанов (Волгоград) исследовал культ св. Максима Кавсокалива, утвердившийся во второй половине XIV в.

на Афоне, где в то время появились два жития святого, созданные иеромонахом Нифонтом и проигуменом монастыря Ватопед Феоданом («К истории византийского исихазма XIV в. св. Максим Кавсокалив: трансформация образа»). Житие Нифонта имело целью доказать святость героя, облик которого наделен традиционными чертами аскета-отшельника. Феодан же намеревался доказать принадлежность Кавсокалива к исихастскому пантеону, совмещая в его образе черты практика и теоретика исихазма.

Иной аспект исследования поздневизантийской философии, богословия и эстетики выделен в докладе «Эстетические взгляды представителей позднего исихазма» В. В. Бычкова (Москва), особо остановившегося на символике света и цвета.

В ряде выступлений на сессии затрагивалась проблема изучения социальной психологии византийца. Непосредственно этой теме посвящен доклад М. А. Поляковской (Свердловск) «Образ человека в византийском письме», в котором на основании писем Димитрия Кидониса проведен анализ нравственной структуры личности автора. Определив эмоциональный уровень его оценок поведения и поступков людей, среди которых были как корреспонденты Кидониса, так и упоминаемые в письмах «третьи лица», докладчица сделала основной акцент на определении нравственного кредо автора. Наряду с характеристикой реальных лиц — Иоанна Кантакузина, Филофея Коккина, Нила Кавасилы, Мануила Тарханиота, Георгия Синадина Астры — в докладе представлены содержащиеся в письмах Димитрия Кидониса образы «человека вообще»: как безвестного «маленького» человека, так и придворных, блестящие типаж которых вышли из-под пера автора писем.

Несколько сообщений, прочитанных на отдельном заседании секции истории, были посвящены проблемам торговли и итальянской колонизации в Восточном Средиземноморье и Причерноморье в XIII—XV вв. Пленарный доклад по этой теме был сделан С. П. Карповым (Москва), давшим обзор новых источников, обнаруженных в Генуэзском и Венецианском Государственных Архивах («Новые источники по истории Восточного Причерноморья»). В частности, было обращено внимание на значение массарий (счетных книг) Каффы для изучения состава населения, международных политических и экономических связей причерноморского региона. В докладе была дана характеристика картулярия писем, направленных венецианскому патрицию Лоренцо Дольфину из разных регионов Венецианской Романии (Константинополя, Таны, Корона, Модона, Кипра и т. д.). Письма проливают новый свет на систему политических связей Восточного Сре-

земноморья в критический период османской экспансии 20-х—конца 40-х годов XV в. Докладчик остановился на характеристике ряда нотариальных актов XIII—XV вв., составленных в венецианских и генуэзских факториях Причерноморья и представляющих большой интерес для истории Византии.

Анализ системы торговых и политических связей в Восточном Средиземноморье был продолжен в докладе «Торговля специями на Кипре в XIII—XIV вв.» С. В. Близинок (Москва), подчеркнувшей, что специи являлись одним из важнейших товаров кипрского рынка. В докладе на основе анализа нотариальных и нарративных источников, торговых практик исследовался ассортимент торговых специй, ее объемы, цены. Докладчица пришла к заключению, что к середине XIV в. наблюдается подорожание практически всех видов специй.

В сообщении В. Г. Ченцовой (Москва) «Внутрирегиональная торговля в Эгее в конце XIII в.» была сделана попытка получить некоторые количественные соотношения (по венецианскому документу «Постановления о пиратстве») и с их помощью охарактеризовать структуру венецианской торговли в Греции и Эгее, выявить связь между маршрутами купцов (внутрирегиональными и межрегиональными),¹ ассортиментом товаров и объемами торговли. Докладчица сделала вывод, что венецианская торговля включала в сферу своего влияния и провинциальные рынки, в ней существовало определенное равновесие между торговлей дорогими товарами и сельскохозяйственными продуктами.

В докладе А. Г. Еманова (Тюмень) «Греки в Каффе XIII—XV вв.» рассматривались данные итальянских источников о жизни греческого населения в этом крупнейшем в Причерноморье центре международной и внутрирегиональной торговли.

А. Л. Пономарев (Москва) в докладе «Отражение эволюции структуры купечества Причерноморья в конце XIII—XIV в. на материале кладов», рассмотрев суммы сделок в нотариальных актах Перы 1281 г., пришел к выводу, что генуэзское купечество в это время не было имущественно дифференцировано. Количество собственников убывало обратно пропорционально размеру их богатства. Материал золотоордынских кладов 60—70-х и 80—90-х годов XIV в. говорит уже о том, что внутри купечества существовали три имущественные группы, в которых богатство было распространено аналогичным образом. Как следует из данных рукописи Vat. Ottoloni. gr. 14, процесс имущественной дифференциации начался, по крайней мере, в 30-е годы XIV в. Суммы сделки в 15 либр grossов позволяет отделить беднейшее венецианское купечество от более состоятельного.

Многочисленные доклады были посвящены проблемам истории византийского искусства, археологии, а также нумизматики, сфрагистики и эпиграфики. Темой целого ряда сообщений стал анализ концепций храмовых росписей. В докладе А. М. Лидова (Москва) «Литургия и византийские иконографические программы XI—XII вв.» рассмотрены основные литургические темы, появившиеся в средневизантийской храмовой декорации: евхаристия, служба святых отцов, Христос-священник, Христос-архиерей, освящающий храм. Систематизация новых сюжетов позволила докладчику сделать вывод о том, что в XI в. возникает новая литургическая редакция храмовой декорации, зародившаяся в столице и ярко проявившаяся в иконографических программах Софийских соборов Киева и Охрида. Литургические темы получили новый импульс после собора 1156—1157 гг. впервые специально занимавшегося чисто литургическими проблемами.

Л. И. Лившиц (Москва) в докладе «К проблеме образного взаимодействия архитектурного и живописного пространства в позднелеоновском искусстве» проследил эволюцию образа архитектурного пространства в византийских ансамблях с конца XIII до начала XV в. Для раннелеоновского периода характерно аллегорическое восприятие пространства храма. Оно интерпретируется как «ширештвенная палата, устроенная Премудростью». Изображения архитектурных мотивов как бы продолжают реальную архитектуру. Однако с середины XIV в. образ пространства утрачивает структурную определенность, превращаясь в безграничную среду. Это уже не «Дом Премудрости», а место духовного преображения, «Гора Фавор», в чем сказывается влияние исихастского учения.

В докладе Н. Н. Никитенко (Киев) «Историческая проблематика в росписи Софии Киевской» на основании сопоставления стенописи собора со свидетельствами древнерусской истории и литературы сделан вывод, что в ней в прообразовательной форме отражена тема крещения Руси, которая решается через прославление миссионерской деятельности ее крестителей. Это характерно и для фресок Георгиевского придела, посвящение которого связано не с личным патронатом Ярослава Мудрого, а с общей концепцией стенописи храма. И. А. Головань (Киев) на основе идентификации и символической интерпретации не сохранившихся надписей единоличных фресковых изображений в Святой Софии сделала вывод, что в системе росписи храма была заложена идея борьбы с экспансией Византии за идеологическую, политическую и культурную независимость («О системе росписи Киевской Софии»).

Совсем иные аспекты изучения архитектурно-художественного комплекса Со-

фии Киевской были затронуты И. Ф. Тошковой (Киев) («К итогам изучения архитектурно-художественного образа Софии Киевской XI в.»), которая говорила об истории строительства собора. Обобщая результаты исследований 70—80-х годов, она привела доказательства одновременности галерей II яруса и основного ядра храма, рассказала об открытии древнейших на Руси крестовых сводов в перекрытии этих галерей, сообщила данные об архитектуре усыпальницы в юго-восточном углу собора, имевшей апсиду и купольное завершение. По мнению докладчицы, мозаики и фрески пятиярусного ядра храма, галерей и обеих башен были выполнены одновременно в первой половине XI в. после сложения архитектурного облика собора.

И. А. Стерлигова (Москва) сделала сообщение «Драгоценный узор русских икон XI—XIII вв. Византийские традиции и местные особенности» о драгоценном убранстве (окладе и прикладе) древнерусских домонгольских икон и его византийских прототипах. На основании письменных источников и сохранившихся памятников ею были рассмотрены основные типы драгоценного убора молельного образа, а также происхождение и символика составлявших его частей.

В. Н. Залеская (Ленинград) в докладе «Прикладное искусство Малой Азии X—XII вв.» обосновала принадлежность к малоазийским мастерским X—XII вв. ряда изделий из бронзы, кости и керамики, своеобразие которых проявляется в особой иконографии и характерном подборе персонажей: изображений Михаила Хонииата, Дионисия Великого, Георгия Амастридского, Меркурия Каппадокийского, Фотия Никомидийского, Христофора Кинокефала. Обращает внимание структура и технические особенности памятников: пластические бронзовые иконы, серебряные инкрустации крестов.

Острую дискуссию, по существу, основных высказанных положений вызвал доклад В. Г. Пуцко (Калуга) «Византийский эмальерный стиль в оформлении греческих и иноязычных иллюминированных рукописей».

В. С. Шандровская (Ленинград) рассмотрела в своем докладе «Изображение святых воинов в нумизматике и сфрагистике» два периода в развитии изображения святых воинов на монетах и печатях: VI—VIII вв. и XI—XII вв. В первый период воин олицетворял борьбу со злом (язычеством, ересями). Во второй — он выступает как советник и патрон императора и его военачальников. Сопоставление изображений воинов позволило выявить их различные типы. Докладчица проанализировала художественные особенности ряда памятников, подчеркнула их значение для углубления наших познаний по истории военного дела в Византии.

Нумизматическая проблематика была представлена также докладом В. В. Гурулевой (Ленинград) «Н. П. Бауер и его вклад в византийскую нумизматику». Почти все работы хранителя западноевропейских и византийских монет коллекции Эрмитажа Н. П. Бауэра, расстрелянного в 1942 г. и реабилитированного только в 1989 г., посвященные проблемам византийской чеканки, не были опубликованы и сохранились лишь в архивах, хотя многие из них доныне не утратили своего значения. Научной заслугой Н. П. Бауэра является изучение обращения иностранной монеты на территории Древней Руси.

В докладе А. И. Романчук (Свердловск) «Характер и специфика археологических источников для средневекового Херсона» были сопоставлены сведения письменных и археологических источников по наиболее дискуссионным периодам истории Херсона: VII—IX и XIII—XIV вв. Данные нарративных источников противоречат распространенному тезису о кризисе Херсона в VII—VIII вв. Археологические находки говорят о сохранении в городе ремесел, ориентированных на торговлю с аграрной периферией. Причиной малочисленности археологических источников этого времени является вызванное непрерывностью застройки разрушение более ранних сооружений. Наиболее представительные комплексы имеются для периода XII—XIV вв., в течение которого город дважды пережил разрушение. А. И. Романчук считает, что Херсон в течение всего средневековья оставался одним из ведущих центров в Таврике. Исследование городов Причерноморья по данным археологических источников было продолжено в докладе В. И. Мыца (Алушта) «Византийская крепость Алушта».

В докладе В. И. Ставиского (Киев) «Греческие надписи из Десятиной церкви в Киеве» на основании сопоставления фрагментов клейма на плинфах, найденных при раскопках в 1908—1914 и 1938—1939 гг., предложено прочтение надписи

на нем: ΘΕΟΜΗΝΤ ΖΡ. Докладчик доказал местное производство фриза с греческой надписью с западного фасада церкви и датировал его X в. Этот фриз с рельефным изображением Богоматери представлял донаторскую композицию, в которую, возможно, входили рельефные изображения князя Владимира и княгини Анны.

Подводя итоги конференции, Г. Г. Титарин отметил высокий профессиональный уровень, богатство проблематики прозвучавших докладов. Ученые из разных городов получили возможность познакомиться с новыми исследованиями своих коллег, с открытиями, сделанными археологами и искусствоведами. К сожалению, в Ростов не смогли приехать специалисты из Армении и Грузии, доклады которых значились в программе сессии.

Е. М. Ломизе, В. Г. Ченцова